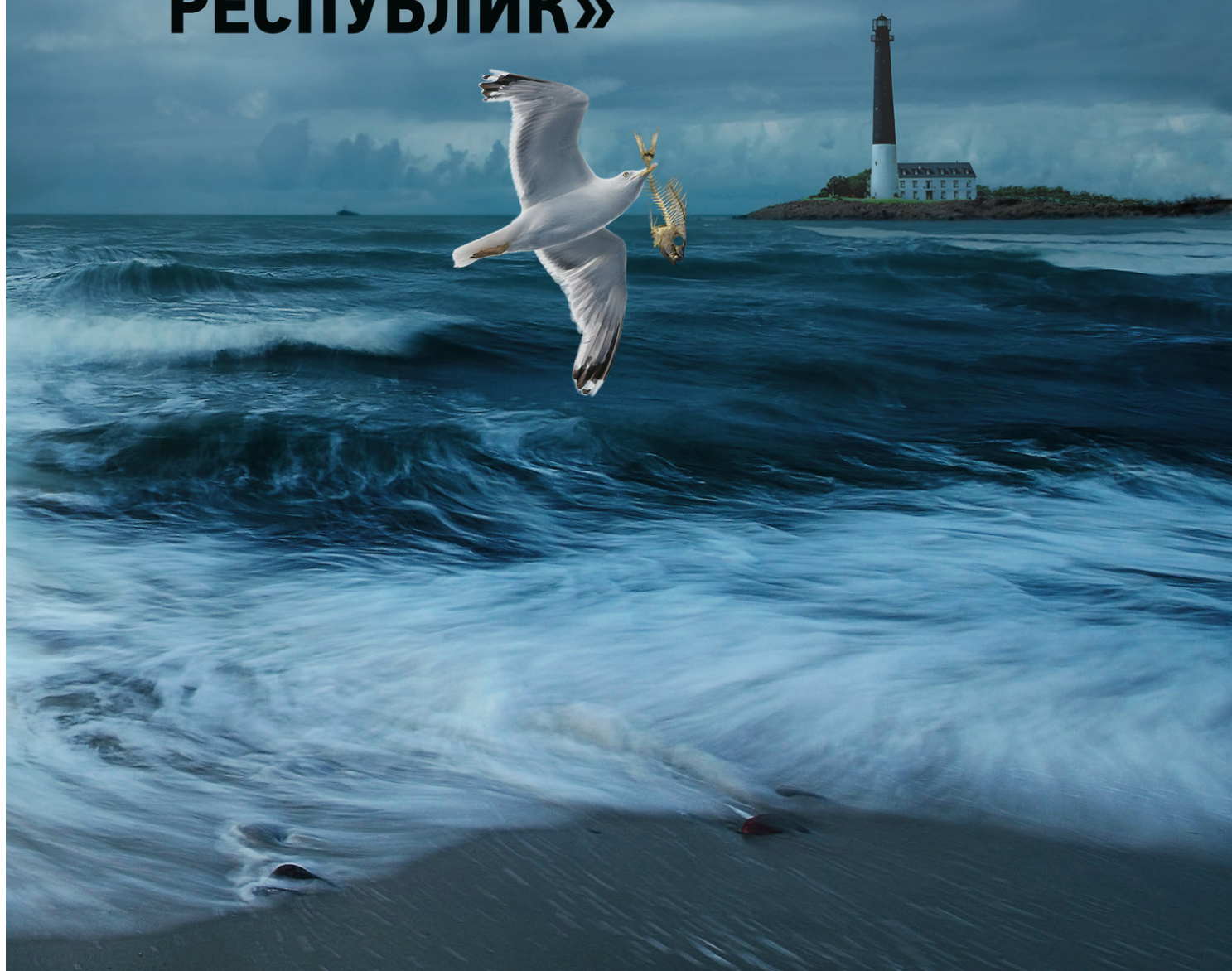

Николай Межевич

Государства Прибалтики

**ЧЕТВЕРТЬ
ВЕКА
«ВТОРЫХ
РЕСПУБЛИК»**

2.0

Николай Межевич

**Государства Прибалтики 2.0.
Четверть века «вторых республик»**

«Алисторус»

2016

УДК 316.485.26
ББК 92

Межевич Н. М.

Государства Прибалтики 2.0. Четверть века «вторых республик» /
Н. М. Межевич — «Алисторус», 2016

ISBN 978-5-9068616-6-5

В предлагаемой вниманию читателя монографии впервые сделана попытка комплексного рассмотрения основных социально-экономических и политических характеристик Латвии, Литвы и Эстонии. 25 лет независимости – достаточное время для того, чтобы сделать выводы о характеристиках прибалтийской «модели» экономики и политики. Небольшие размеры Прибалтики сочетаются с масштабными проблемами в отношениях этих государств с Россией. Именно здесь были запущены и реализованы процессы разрушения советской модели в экономике и политике конца 80-х – начала 90-х годов XX века. Концепция континуитета и «советской оккупации» стала детерминирующим фактором становления постсоветских Эстонии, Латвии, Литвы. К каким же результатам пришли Прибалтийские государства через четверть века после обретения своей второй независимости?

УДК 316.485.26
ББК 92

ISBN 978-5-9068616-6-5

© Межевич Н. М., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Введение	6
Глава 1. Прибалтийская концепция «оккупации» как основа национальной государственности	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Николай Маратович Межевич
Государства Прибалтики 2.0.
Четверть века «вторых республик»

© Межевич Н.М., текст, 2016.

© Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», издание, 2016.

Введение

Рассматривая основные тенденции и результаты развития мировой политики и экономики, отметим сразу как базовое условие: анализируются лишь ключевые факторы, непосредственно влияющие на характер экономического развития России.

Именно поэтому в центре внимания оказывается турбулентность мирового экономического развития. В принципе, это традиционная характеристика мировой экономики, однако сейчас данная характеристика переходит в новое качество. Экс-министр иностранных дел России И. Иванов писал еще в 2011 году, в период кажущейся стабильности: «Разворачивающийся на наших глазах мировой финансово-экономический кризис, по-видимому, знаменует собой окончание целой эпохи безраздельного интеллектуального и идеологического преобладания неолиберализма»¹. С этим тезисом легко согласиться, но следует добавить и то, что системный экономический кризис совпадает во времени и пространстве с идеологическим и политическим кризисами. К 2016 году накопилось такое количество новых, явно и неявно дестабилизирующих факторов, что их совместное влияние становится все более непредсказуемым.

В XXI веке формируются новые геоэкономические блоки. Особую значимость приобретает переговорный процесс между США и ЕС по соглашению о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (Transatlantic Trade and Investment Partnership – TTIP). Это соглашение предполагает либерализацию сферы торговли и инвестиций, а также устранение или уменьшение регуляторных и других тарифных и нетарифных барьеров между США и ЕС. Вне конкретной политики, строго на базе основополагающих принципов современной экономической теории выиграть от этого объединения могут только США. На этом фоне в Европе все активнее обсуждаются возможные последствия данного соглашения.

Создав проблемы для ЕС и РФ, США и группа ведущих западных ТНК подготавливают ЕС к участию в этом проекте. Создание трансатлантической зоны свободной торговли может означать конец ЕС как самостоятельного цивилизационного и экономического блока². Реализация этого проекта превращает Лондон в периферию Вашингтона, Варшаву в периферию Лондона, Таллин – в периферию Варшавы, а Нарву – в тот самый мифологический «край земли».

Следующий круг проблем – Большая Евразия, формирующаяся вокруг сотрудничества Китая, России, Индии, Казахстана, Ирана и ряда других государств, при вероятном экономическом лидерстве, но не гегемонии Китая и вполне очевидном военно-политическом лидерстве России. Процесс получил мощный импульс, когда в мае 2015 года Россия и КНР договорились о сопряжении Евразийского экономического союза и китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути. В этих условиях предложенный КНР проект нового Шелкового пути – это не жесткая модель, а динамично меняющаяся форма международного сотрудничества, по сути, новая интеграция, не вписывающаяся в классические западные схемы.

Изменившаяся экономическая модель Китая, качественное снижение темпов его экономического роста создает проблемы всем его торговым партнерам и географическим соседям. Прибалтика, демонстративно отказываясь от сотрудничества в сфере транзита с Россией, развешивает аналогичные связи с Китаем³. Россия, таким образом, оказывается пострадавшей дважды.

Далее, важнейшие для нас проблемы Европы. Этот вопрос непосредственно связан с оценкой европейской интеграции как одного из факторов развития глобальной экономики.

¹ Иванов И.С. Внешняя политика в условиях глобализации. М., 2011. С. 80.

² Белло У. Трансатлантическое и транстихоокеанское партнерства: как обуздать ярость народов // Мир перемен. – № 1. 2015. С. 121.

³ Министр сообщений Улдис Аугулис: В Латвию идут 100 миллионов евро Китая. URL: <http://baltnews.lv> (09.03.2016).

Как оценивать предшествующий этап европейской интеграции? Согласимся с оценкой профессора И.М. Бусыгиной: «Интеграция приобретала благоприятную репутацию в глазах отдельных стран по мере получения конкретных положительных результатов в ходе реализации не общего, а конкретных, более скромных по замыслу проектов взаимодействия по ограниченным направлениям кооперации»⁴. Действительно, десятилетия осторожного движения, согласования интересов в пределах относительно однородного западноевропейского пространства, поиск и совершенствование лучших практик не могли не привести к успеху. Успех был велик, но головокружение от успехов еще больше. Еще в 2002 году звучали осторожные критические замечания: «После разрушения “великой границы” и растраты сил, которые были нужны на ее поддержку, Европа кажется усталой. Кажется, что ее составные части вернулись к положению, существовавшему перед Ялтой, а может быть, даже перед Трианоном. Все после военного состояние, к которому Европа вроде бы привыкла как к вполне естественному порядку вещей, вдруг оказывается искусственным и себя изжившим. Европейский блок распадается на архипелаги»⁵.

Однако не критичный подход к собственным моделям развития, одновременное количественное удвоение и качественный рывок в валютную и шенгенскую зоны вызвали европейский кризис, имеющий лишь косвенное отношение к мировому экономическому кризису⁶. Очевидно, этот тезис применим и к государствам Прибалтики, но добиться признания этого факта почти невозможно.

Не провал Евроконституции привел к росту евроскептицизма, а евроскептицизм, основанный на понимании неэффективности постмаастрихтской модели ЕС, привел к провалу Евроконституции. Не менее важен и такой аргумент: «Сегодняшняя холодная война между Россией и Западом, кроме остальных созданных ею политических, экономических и военных проблем, стала катализатором эрозии европейских ценностей, ускоряя и расширяя общую политическую деградацию»⁷.

В настоящее время «... дискуссия внутри Евросоюза о будущем европейской интеграции охватывает как направления дальнейшего институционального развития ЕС, так и концептуальное обеспечение его реформирования в трех ключевых сферах – восстановление демократической легитимности, определение параметров дифференциации (гибкой геометрии) и формулирование экономических приоритетов, прежде всего, повышение конкурентоспособности всей экономики ЕС»⁸. Участники этой дискуссии де-факто признают, но будут отрицать до момента полного краха то, что «Евросоюз из образца разумной предсказуемости стал, по сути, одним из наиболее явных источников глобальной неопределенности»⁹. Именно поэтому разрушение действующей модели евроинтеграции неизбежно. «В действиях Евросоюза с недавних пор стала появляться “коллективная односторонность”, когда любой член может потребовать “солидарности” по любой собственной проблеме. Как результат – блоковая позиция, негативно сказывающаяся на наших отношениях с ЕС... Индивидуальные интересы членов

⁴ Бусыгина И. Асимметричная интеграция в Евросоюзе // Том 11. № 1(32). Январь – апрель 2013 г. URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/002.htm> (дата обращения: 18.05.2014).

⁵ Шлегель К. Европа – пограничная страна // Вестник Европы. № 9. 2003. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2003/9/shleg.html>.

⁶ Межевич Н.М. Европа от Лиссабона до Владивостока: общие и частные интеграционные вызовы // Проблемы и перспективы взаимодействия между Европейским союзом, Украиной и Россией в новых условиях: материалы сборника научных трудов Ассоциации «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы» / Под ред. С.Г. Арбузова и Р.С. Гринберга. М., 2015.

⁷ Урбанович Я. «Коричневатый рассвет» современной Европы. URL: <http://www.balticforum.org/ru/publications/articles/> (05.05.2015).

⁸ Арбатова Н.К. Посткризисные модели европейской интеграции // МЭиМО. № 11. 2014. С. 21.

⁹ Лукьянов Ф. Обратная сторона Греции / Российская газета. 8 июля 2015 г. URL: <http://www.rg.ru/2015/07/07/olonka.html> (08.07.2015).

ЕС нам известны; со многими из них двусторонние отношения не отягощены искусственными барьерами и развиваются куда более продуктивно, чем с брюссельскими структурами»¹⁰.

Многие эксперты утверждали, что Европе необходима более централизованная система управления с сильной политической исполнительной властью и гораздо большими регулятивными полномочиями. Эти мысли четко прослеживаются в докладе Группы друзей Европы¹¹ и докладе Хермана ван Ромпея¹². С другой стороны, в 2014-м и особенно в 2015 году, появляются позиции авторитетнейших европейских ученых и экспертов, указывающие на то, что кризис европейской экономической, политической, социальной модели уже неизбежен. Рассматривая вопросы европейской интеграции, Энтони Гидденс пишет: «Единственный шаг вперед... а можно ли будет вернуться назад?»¹³. Этот тезис, относящийся к проблемам Греции, Португалии, Испании, гипертрофии германской экономики, возможностям сохранения «шенгена», становится все более актуальным. Множественность проблем Европы очевидна. Да, Европа в какой-то момент стала лидером и долгое время им оставалась, но сегодня следует ставить вопрос не о том, почему это лидерство появилось, а как оно было утрачено¹⁴. Искать политологическое объяснение можно. Абсолютное большинство государств, позиционируемых как демократические, пережили периоды авторитаризма, тоталитаризма или, по крайней мере, оккупации. Память о бесконтрольном характере государственной власти и привела к поиску новых моделей политической организации, воплотившихся в Европейском союзе с его бесконтрольной властью, но уже наднационального уровня. После короткого периода демократии де-факто Европа перешла к постдемократии, т. е. демократии де-юре¹⁵.

Европейские постмодернисты считали, что географические карты вышли из моды, их вытеснили экономические диаграммы, иллюстрирующие финансовую и коммерческую взаимозависимость Европы и благосостояние европейских граждан. Однако события 2015 года показали, что это не так. Границы пережили эпоху их забвения – впрочем, очень короткую. В этом контексте отметим, что не Россия развеяла европейские мечты о будущем, в котором постмодернистский остров ЕС раскинется на весь континент¹⁶, а сама Европа сделала все для разрушения этого проекта, «...в развитии Европейского союза... завершился период отрицания, когда хорошим тоном было делать вид, что происходящее – не более чем временные трудности и издержки роста»¹⁷. Главное, тем не менее, лежит в экономической сфере. В Европе деградируют именно те отрасли, которые создали ей заслуженную славу, а в государствах Прибалтики они практически исчезли¹⁸.

Безусловно, мы должны понимать, что кризис европейской интеграции – это не только экономика. «Европу ждет череда новых и серьезных потрясений. И вызвано это не чем иным, как аморальным поведением властей ЕС. И только слепой мог не увидеть, что дело уже не

¹⁰ Лавров С.В. Внешняя политика России: новый этап // Эксперт. 17 декабря 2007 г. С. 76.

¹¹ Final Report of the Future of Europe Group of the Foreign Ministers of Austria, Belgium, Denmark, France, Italy, Germany, Luxembourg, the Netherlands, Poland, Portugal and Spain. 17 September 2012. Available at the Web site of the Federal Foreign Office of Germany. URL: <http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/626338/publicationFile/171843/120918-Abschlussbericht-Zukunftsgruppe.pdf>.

¹² Towards a Genuine Economic and Monetary Union. Report by President of the European Council Herman Van Rompuy. European Council. 26 June 2012.

¹³ Гидденс Э. Непокойный и могущественный континент. Что ждет Европу в будущем? М., 2015. С. 227.

¹⁴ Голдстоун Дж. Почему Европа. Возвышение Запада в мировой истории. 1500–1850. М., 2014.

¹⁵ Подробнее: Крауч К. Постдемократия. М., 2010.

¹⁶ Крастев И., Леонард М. Новый европейский беспорядок. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-evropeiskii-besporiadok-17196> (17.12.2014).

¹⁷ Лукьянов Ф. 2015: Попытка найти позитив // Российская газета (Федеральный выпуск). № 6861 от 23 декабря 2015 г. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/23/kolonka.html>.

¹⁸ Межевич Н.М., Сазанович Л.С. Кризис европейского интеграционного проекта: уроки для всех и для стран Прибалтики // Янтарный мост. № 4, 2015.

в одних экономических потерях – оскорблены чувства граждан, растоптаны их идеалы»¹⁹. Нынешний Европейский союз – главная жертва его же собственного прошлого успеха. В течение как минимум полутора десятилетий преобладали иные оценки, как шедевр «головокружения от успехов»²⁰. В контексте задач, поставленных в данной монографии, мы не можем не привести мнение экс-премьера Эстонии М. Лаара: «Европейские страны живут через силу, большая часть их благополучия опирается на долги. Эта система долго не продержится, и благополучие скоро закончится при одновременном расширении и углублении проблем с иммигрантами»²¹.

Завершая рассмотрение европейской проблематики, еще раз отметим: перед нами не кризис европейской идеи, перед нами разворачивается кризис конкретной практики ее реализации в политической сфере. Россия не собирается покидать Европейский континент ни экономически, ни политически, ни ментально. С тех пор как Екатерина II в «Наказе комиссии по составлению нового уложения» подчеркнула: «Россия есть Европейская держава», прошло почти 250 лет, и это, при всех гигантских переменах в мире, остается и будет оставаться истиной²². Уточним, однако, что это не означает признания безошибочности европейского опыта. Более того, сколько бы нам ни говорили о единстве Европейского союза, мы видим, что политические и экономические практики отдельных стран в нем различны. При этом не надо сравнивать Португалию со Швецией, достаточно сравнить политику Эстонии и Финляндии в отношении России.

Государства Прибалтики, не сумев создать привлекательные модели в экономике и политике, преуспели, однако, в выстраивании конфронтации с Россией. Это был долгий и не прямой путь, на определенном этапе вызывающий осторожный оптимизм у российских экспертов и предельно немногочисленных сторонников сотрудничества с Россией в государствах Прибалтики.

Ранее, в аналитическом докладе «Отношения России и стран Прибалтики: от упущенных возможностей к реальным перспективам» (СПб., 2013) нами была отмечена возможность «финляндизации» российско-прибалтийских отношений. «С определенным упрощением можно отметить существование двух моделей отношений между Россией и ее соседями в восточной части Балтики. Одна модель реализуется между Москвой и Хельсинки. Вторая модель – отношения России и государств Прибалтики». Тональность Таллина, Риги, Вильнюса в диалоге с Россией абсолютно неадекватна как экономическим, так и политическим возможностям этих стран. При этом объединенная Европа, равно как и США, разворачивая антироссийскую политику, не демонстрирует готовности оказаться в непредсказуемом военном конфликте, инициируемом прибалтийскими государствами. Таким образом, сегодня говорить о «финляндизации» отношений России с государствами Прибалтики бессмысленно.

Пытаясь стать драйверами амбициозных внешнеполитических проектов, Литва, Латвия и Эстония, действуя в целом в пределах своей международно-правовой юрисдикции, игнорируют многочисленные вызовы регионального и локального уровня, пренебрежение которыми чревато не только экономическими и политическими проблемами, но и постепенным разрушением всей структуры государства и общества.

Исследования Прибалтики предполагают междисциплинарность. Конечно, классическое международное регионоведение основано на том, что в любом государстве существуют многоуровневые взаимозависимости между историей и политикой, географией и экономикой, этнографией и всеми вышеупомянутыми компонентами, вместе взятыми. Это справедливо для

¹⁹ Нарышкин С.Е. Уроки нравственности, забытые Европой. URL: <http://www.gosduma.net/news/274/1223069/>.

²⁰ Размышления о будущем ЕС. Координация и подведение итогов. Фонд имени Генриха Белля. Берлин, 2012.

²¹ Лаар М. Грядут плохие времена. URL: <http://rus.err.ee/estonia/8ace8b8fcd9-410a-aa81-808cda7f7237> (26.05.2013).

²² Медведев Д. А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы. Опубликовано в РГ (Федеральный выпуск) № 6785 от 24 сентября 2015 г. URL: <http://www.rg.ru/2015/09/23/statiya-site.html>

любой страны, начиная с России и Китая, но для Эстонии, Латвии, Литвы необходимость междисциплинарного подхода подкрепляется эффектом масштаба.

За прошедшие двадцать пять лет отношение российских экспертов к государствам Прибалтики качественно изменилось. Признание «особости» прибалтийских республик не было чуждо даже центральным властям СССР: только в отношении этих республик был принят акт признания независимости – в решении Государственного Совета СССР от 11 сентября 1991 г. декларировалось признание государственной независимости Латвийской, Литовской и Эстонской республик (Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991, № 37. Ст. 1497-1499)²³. Затем последовало безвременье козыревского руководства МИД России. «Пять лет реализации внешней политики Андрея Козырева (1991–1995) лишний раз подтвердили, что если государства в своих отношениях с внешним миром отдают приоритет лишь моральным категориям, то рано или поздно они терпят поражение и попадают в зависимость от более сильных держав»²⁴.

Впрочем, дискуссия по этому вопросу существует. Может ли быть иначе в условиях, когда президент Эстонии Томас Х. Ильвес (еще будучи министром иностранных дел своей страны) в 2001 году сформулировал программную установку эстонской политики: «... **в эстонском МИДе никого не интересует опыт соседства с Россией. Интересуют будущие отношения с Западом**»²⁵. Возникает вопрос: а нас должна интересовать Прибалтика? **Должны ли мы спонсировать государства, чья антироссийская направленность доктринально оформлена?**

Этот вопрос нуждается в разъяснении, чему и посвящена данная книга.

Рассматривая российские интересы в государствах Прибалтики, следует обратить внимание на эволюцию концепций внешней политики России. Первая принята в 1993 году. Последняя – в 2013 году²⁶. Двадцать лет – это уже не только политика, но и история. В концепции-1993 странам Прибалтики посвящено полторы страницы, практически столько же сколько и отношениям с США! В концепции-2013 стран Прибалтики просто нет.

Период, когда Россия была готова сделать первый шаг и предложить взаимовыгодный диалог даже ценой уступок, был очень долгим, но, видимо, закончился. «В некоторых странах просто, мне кажется, спекулируют на страхах в отношении России. Некоторые хотят играть роль таких прифронтовых стран, которым за это нужно чем-то дополнительно помогать: или в военном плане, или в экономическом, финансовом, каком угодно другом»²⁷.

Отметим, что ряд исследователей – например, В.А. Смирнов – ранее ставили вопрос: останется ли сформировавшееся более 20 лет назад восприятие России как «фактора-ирританта», неизменного внешнего раздражителя, приоритетом во внутренней политике и в сфере международных отношений для значительной части политической элиты Литвы, иных государств Прибалтики?²⁸ Пять лет назад это был закономерный вопрос; сегодня, в 2016 году, ответ очевиден. Россия как фактор-ирритант для Прибалтики будет существовать столько же, сколько будет существовать сама Прибалтика. Без России Прибалтика существовать не будет,

²³ Шинкаревич Г.Н. Как распадался Союз Советских Социалистических Республик. URL: <http://igpran.ru/articles/2956/>.

²⁴ Кортунов С.В. Национальная идентичность: Постигание смысла М.: Аспект Пресс, 2009. с. 417.

²⁵ Соколов В. Почему Таллинн стремится на Запад // № 10 (30). 21.06.2001. Независимая газета. Дипкурьер.

²⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник 1993 г. № 1–2; Концепция внешней политики Российской Федерации URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html>; <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml> (12 июля 2008 года); Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/>.

²⁷ Путин В.В. Интервью итальянской газете Il Corriere della Sera. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49629> (6 июня 2015 года).

²⁸ Смирнов В.А. Формирование политической элиты Литвы на рубеже 1980-1990-х годов: роль «политиков морали» // Балтийский регион. 2011. № 4. С. 18.

поскольку идентификация собственного «рая» бессмысленна без апелляции к российскому «аду». Вероятно, это следовало бы понять раньше.

Для России на балтийском направлении завершена долгая эпоха компромиссов по принципиальным позициям в политике и экономике. Санкционные режимы, культивируемые в Прибалтике, закрывают вопрос о соотношении экономической целесообразности и политической необходимости. Для кого-то торговля с врагом является нормой²⁹, для России этот путь не представляется оправданным.

²⁹ Хайэм Ч. Торговля с врагом // Пер. с англ. М., 1985.

Глава 1. Прибалтийская концепция «оккупации» как основа национальной государственности

Вопросы международного права не ставятся нами в качестве ключевой исследовательской задачи. Это связано в том числе с тем, что «все государства мира признают международное право, но его принципы истолковываются весьма различно, это явствует из различных интерпретаций таких слов, как “демократия”, “самоопределение” “права человека”, “война агрессивная”, “война оборонительная”»³⁰. Многое зависит от личности исследователя, его политических взглядов и степени национально-государственной ангажированности. «Обозначив себя как национальную, любая из сфер культуры теряет самостоятельность, независимость, преобразуется в фактор идеологии, политики, наконец, маркетинга. Сделавшись частью “национального инвентаря”, она обретает “добавочную стоимость” и способна приносить доход»³¹. Добавим, в Эстонии и Латвии – весьма существенный.

Вопрос правовых последствий событий 1939–1940 гг. и прибалтийская концепция «оккупации» нас интересуют исключительно с позиций текущей внешней политики стран Прибалтики. Анализ ряда правовых категорий применительно к общей ситуации, возникшей в контексте правопреемства стран Прибалтики после распада СССР, в данной работе является предпосылкой детального изучения политических последствий признания тех или иных формул правопреемства. Вопросы правопреемства не носят академического характера. Признание той или иной концепции правопреемства автоматически ведет к различным, но весьма значимым экономическим, социальным, политическим и правовым последствиям. К примеру, если мы признаем непрерывность – континуитет современной Эстонии и Латвии по отношению к республикам 1920–1940 годов, то период 1944–1991 годов автоматически оценивается как «оккупация», а лица, переселившиеся в эту страну, как «оккупанты». **Оккупационному режиму могут быть предъявлены экономические требования компенсации ущерба, любые правовые акты периода «оккупации» могут быть признаны недействительными, в т. ч. связанные с прохождением государственной границы. Государство, ответственное за «оккупацию», должно исходить из значительной утраты международного авторитета даже в том случае, если речь идет о событиях относительно далекого прошлого.**

Вопросы правопреемства государств достаточно редко становятся предметом научного и экспертного внимания за пределами узкого круга специалистов по международному праву; еще реже данный академический вопрос попадает в зону внимания политиков. Тем не менее это возможно в том случае, когда происходят качественные изменения на политической карте мира. Применительно к рассматриваемой ситуации (отношения России с Латвией и Эстонией) проблема имеет несколько аспектов.

- Существует ли континуитет Эстонской (Латвийской) республики 1920 года и Эстонской (Латвийской) республики 1991 года и, соответственно, можно ли говорить о правопреемстве между современной Эстонией и Эстонской Республикой, образовавшейся в 1920 году? Аналогичная ситуация применительна к Латвии.
- Было ли вступление Эстонии, Латвии и Литвы в состав Союза ССР формой оккупации?
- Какие последствия для России вызовет признание факта оккупации и континуитета государств Прибалтики?

³⁰ Фердросс А. Международное право / Пер. с нем. М.: Иностранная литература, 1959. С. 65.

³¹ Рыжакова С. Латышская национальная история: о культурных механизмах в конструировании и реферировании прошлого // Антропологический форум. № 11. С. 267.

Один из ключевых вопросов российско-эстонских, российско-латвийских и российско-литовских отношений – ультимативное требование к России признать факт «оккупации» государств Прибалтики и, соответственно, российская позиция по этому вопросу. Этот вопрос с удивительной настойчивостью ставится перед российской властью и общественностью. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. **Для политических элит государств Прибалтики проще отказаться от половины государственной территории, чем от доктрины «оккупации».** Причины для этого действительно серьезные. Рассматривая требование прибалтийских стран признания Россией факта «оккупации», следует четко понимать, по каким причинам Эстония, Латвия и Литва выдвигают эти требования.

Предположение, часто звучащее в российской прессе и связанное с тем, что это вопрос неоправданных амбиций и унаследованных эмоций, является опасным заблуждением. Столь же неправильна трактовка эмоционально окрашенного термина «оккупация» как способа предъявить претензии России и заработать деньги. Истина заключается в том, что **в общественном сознании своей страны и за ее пределами «оккупационный» занавес, как очаг в каморке папы Карло, позволяет «закрыть» все накопившиеся юридические казусы происхождения национальной государственности и «законно» разделить население своих стран по классическим методикам Дж. Оруэлла.**

Отметим, что, подчеркивая факт дискриминации части населения в Эстонии и Латвии, никто не отрицает существование Прибалтийских государств, и прежде всего Эстонии и Латвии, их независимость, признанную СССР, Россией, международным сообществом. Однако правовую природу Эстонии и Латвии факт признания – непризнания «оккупации» качественно меняет³².

Мы исходим из того, что сложные моменты политической истории Эстонии, Латвии, специфика международных отношений в 1939–1940 гг. должны быть всецело учтены в диалоге с соседними государствами и представлены на международной арене. При этом мы понимаем, что «...можно понять исторические обиды, понять разное отношение к различным драматическим событиям. Но нельзя в наше время оправдать репродуцирование искаженного, негативного образа соседней страны и народа, формирование у молодежи чувства неприязни и нелюбви к ним, равно как и сознательное отступление от истины в преподнесении и оценке исторических событий и процессов»³³.

В своем желании добиться признания факта «оккупации» внешняя политика Балтийских стран является весьма последовательной. К примеру, в Эстонии и Латвии практически все документы, принятые в период 1989–1991 годов, обязательно содержат упоминание об «оккупации»³⁴. Фактически признание факта «оккупации» стало базовым элементом правовой конструкции Эстонского государства, наряду с еще одной категорией – континуитетом государства 1918 и 1991 года. Возникает вопрос, с чем это связано.

Проблема, которой посвящена эта работа, является чрезвычайно сложной, многосторонней и затрагивает практически все аспекты отношений России и государств Прибалтики. При этом анализ юридических вопросов для нас не имеет самостоятельного значения, т. к. данная работа не носит юридического характера. Анализ ряда правовых категорий применительно к общей ситуации, возникшей после распада СССР, в данной работе является предпосылкой

³² Межевич Н.М., Сазанович Л.С. Ключевые вопросы новейшей истории государств Прибалтики в современной научной литературе: между истиной и идеологией // Клио, 2015. № 3 (99). С. 53–57.

³³ Плат К. Оккупация vs. колонизация: история, постколониальность и географическая идентичность. Случай Латвии. URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6961-okkupaciya-vs-kolonizaciya-istoriya-postkolonialnost-i-geograficheskaya-identichnost-sluchaj-latvii.html.

³⁴ В связи с тем, что правовая аргументация представителей Эстонии и Латвии практически идентична, а история международных отношений одинакова, с данного момента объектом рассмотрения становится Эстонская Республика. Сделанные выводы относятся как к Эстонии, так и к Латвии.

детального изучения последствий признания тех или иных формул правопреемства. Прежде всего, это относится к категориям «континуитет», «оккупация», «агрессия», «аннексия».

В международном праве континуитет – это осуществление государством-продолжателем (правопреемником) предусмотренных в договорах прав и обязательств государства-предшественника. Автор статьи «Признание государств: современная европейская практика» пишет, что можно говорить о трех различных ситуациях признания новых государств в Европе: это Прибалтика, Советский Союз и Югославия³⁵. Следует согласиться, действительно существует определенная специфика международно-правового процесса признания независимости стран Прибалтики в конце XX века.

Правопреемство в международном праве – переход прав и обязанностей от одного его субъекта к другому. Вопрос о правопреемстве государств возникает в случаях слияния двух или более государств (включая вхождение одного или нескольких государств в состав более крупного); разделения государства на два или более или выделения малого государства из состава большого. Этот вопрос, как правило, не считается самым значимым и дискуссионным в международном праве. Однако для нас он имеет не абстрактно-теоретический характер, он непосредственно затрагивает всю государственно-политическую концепцию Эстонии и Латвии.

В этом контексте возникают три принципиальных вопроса. Рассмотрим первый вопрос. Существует ли континуитет Эстонской (Латвийской) республики 1920 года и Эстонской (Латвийской) республики 1991 года?

Позиция специалистов по международному праву не может быть названа единой. В ряде случаев, но далеко не всегда она основывалась на том юридическом постулате, что аннексия не уничтожает международно-правовую личность государства, но временно ее прекращает, и после возврата к суверенитету и независимости государство восстанавливает международную правосубъектность³⁶.

С другой стороны, по мнению некоторых европейских юристов, **незаконность советской аннексии и даже непризнание факта присоединения к СССР еще не означает признания континуитета Эстонии и Латвии**. Вспомним: тезис Дж. Крофорда об идентичности без континуитета, который Р. Мюллерсон использует применительно к Прибалтийским государствам, уже применялся для объяснения аналогичной ситуации с незаконной оккупацией в период второй мировой войны в таких странах, как Эфиопия, Чехословакия, Албания, Австрия³⁷. Наиболее точной характеристикой данной правовой ситуации является выражение Дж. Крофорда «identify without continuity» («идентичность без континуитета»)³⁸.

Наша аргументация исходит из того, что признание временного прекращения существования государств Прибалтики рядом стран Запада не означает признание континуитета существования государств Прибалтики. **Современные государства Прибалтики являются продолжателями как т. н. «первых республик», так и республик советского периода**. Более того, следует признать различие между страной и политической организацией ее власти и территории. Правопреемство идентичности Эстонии или Латвии «образца 1920 года» Эстонии и Латвии «образца 1990-1991 годов» очевидно. «...Латвия, Литва и Эстония не должны рассматриваться как продолжатели (continuity) довоенных. Они юридически входили в состав

³⁵ Warbrick C. Recognition of States: Recent European Practice // Aspects of Statehood and institutionalism in Contemporary Europe (ed. by M.D. Ewans part Mouth, 1997. P. 10).

³⁶ Гасымов Ф. Возникновение новых субъектов международного права в результате распада СССР и Югославии. URL: http://www.legal.az/index.php?option=com_content&task=view&id=176&Itemid=77 (13.09.2006).

³⁷ Koskeniemi M., Lehto M. La succession d'Etats dans l'ex-URSS, en ce qui concerne particulièrement les relations avec la Finlande // Annuaire francais de droit international. P. 192.

³⁸ Элен А. Взгляд европейских юристов на распад СССР // Правоведение, 1999. № 2. URL: <http://law.edu.ru/magazine/document.asp?magID=5&magum=2&magYear=1999&articleID=149079>.

Советского Союза после 1940 года. Это не те же самые субъекты международного права, а новые, возникшие на месте прежних и являющиеся по отношению к ним и частично по отношению к СССР правопреемниками, но никак не продолжателями. Можно говорить о восстановлении латвийской, литовской и эстонской государственности, а не об «освобождении» Латвии, Литвы и Эстонии от оккупации и их восстановления»³⁹. Таким образом, **в 1991 году СССР и Россия признали независимость не республик 1920 года, не шведской Эстляндии, Лифляндии, Курляндии, а Советской Эстонии, Советской Латвии, Советской Литвы.**

Интереснейшая аргументация профессора Черниченко С.В. неоднократно была положена в основу официальной позиции МИД РФ в 90-х годах прошлого века: если государство было присоединено к другому, т. е. аннексировано (либо после оккупации, либо без нее, под угрозой применения силы), то оно с момента присоединения утрачивает свою личность и фактически, и юридически. Исчезают его суверенитет и международная правосубъектность. Если спустя много лет на аннексированной территории тот же народ воссоздал свое государство, то о континуитете (непрерывности) говорить нельзя, так как юридически существование государства данного народа было прервано. Однако вполне допустимо говорить об идентичности (тождестве) вновь возникшего государства прежнему. Правильно было бы в таких случаях говорить о воссоздании не государства, а государственности данного народа, поскольку вновь возникшее государство будет все же иным, чем прежде, пусть даже и идентичным ему с точки зрения основных элементов, из которых оно строится.

Как отмечает один из ведущих специалистов современности по данному вопросу д. ю. н. профессор Р. Мюллерсон, «**по прошествии полувека принцип *restitutio ad integrum*, применяемый Эстонией и Латвией, является скорее юридической фикцией, чем реальной возможностью**»⁴⁰.

Рассмотрим вопрос о том, как оформлена указанная позиция в современной Эстонии. К примеру, на сайте Департамента гражданства и миграции Эстонской республики в специальном материале, предназначенном для лиц, вступающих в гражданство республики, так охарактеризована позиция государства по вопросам правопреемства: «В короткий срок большинство стран мира сообщило о признании (восстановлении признания) Эстонии как суверенного государства»⁴¹. Отметим, что термин «признание» или термин «восстановление признания» не означает выражения позиции по континуитету. Эстония и Латвия присвоили в одностороннем порядке себе признак континуитета для того, чтобы политически и экономически ограбить сотни тысяч некоренных жителей, искренне поддержавших борьбу за независимость этих республик в 1987-1991 гг.

Следующий вопрос: было ли вступление Эстонской Республики в состав Союза ССР «оккупацией»? Рассматривая проблему отражения ключевых моментов новейшей истории государств Прибалтики в трудах ученых и политиков указанных стран, прежде всего следует выделить ключевые вопросы, определяющие современный дискурс между российскими и прибалтийскими историками. Этих вопросов очень немного; более того, ответ на важнейший из них предполагает «автоматические» ответы на все остальные. К числу вопросов политической истории Европы XX века, вызывающих уже не первое десятилетие серьезные дискуссии историков и общественности, российских и зарубежных политиков, относятся вопросы политиче-

³⁹ Черниченко С.В. Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения. URL: <http://www.mid.ru/ns-pobeda.nsf/b33502c-dd8144475c3256eda0037e5fc/a9693d8763f70b92c3256f00001e65f2?OpenDocument>.

⁴⁰ Mullerson R. The Continuity and Succession of States, by Reference to the Former USSR and Yugoslavia. P. 483.

⁴¹ Сайт департамента гражданства и миграции Эстонской республики. URL: <http://www.kodanik.ee/vene/ajalugu/>.

ской истории 1939–1940 гг., и прежде всего, комплекс советско-германских договоров и протоколов.

Вопрос Договора о ненападении от 23 августа 1939 г., секретного дополнительного протокола к нему и внешнеполитических последствий этого соглашения является в этом ряду наиболее сложным. Данную тему, с одной стороны, нельзя назвать новой и неисследованной; с другой стороны, необходимо признать ее актуальность для современной системы международных отношений. На сегодняшний день значение этого исторического события признается историками всего мира. Закономерно и то, что особое внимание этому вопросу уделяется в Прибалтике. Значимость событий 1939 года велика, но политическая история XX века для Финляндии и Польши никак не сводится к 1939 году. Не без труда, но в ряде случаев представителям России и Польши, и тем более Финляндии, удастся прийти к пониманию необходимости совместной работы⁴². Иная ситуация в государствах Прибалтики. Здесь руководства стран не только считают события 1939–1940 гг. непосредственной причиной утраты независимости, но и выстраивают на этой основе концепцию правопреемства, формулируют масштабные экономические и политические претензии к России. Политическая история XX века в Прибалтике сузилась до двух лет. Используя и несколько дополняя подход Эрика Хобсбаума, можно сказать об «особо коротком» XX веке для государств Прибалтики – менее одного года. Новый политико-идеологический стандарт построен по принципу зеркальной противоположности советскому. Советская историческая наука обязана была отрицать существование так называемого «секретного протокола»; историческая наука стран Балтии, как правило, рассматривает 23 августа 1939 года как начало истории, а 22 июля 1940 года как ее конец.

Итак, речь идет о политической и правовой оценке событий 1939–1940 гг. Ответ на этот вопрос фактически формируют две научные школы в современной исторической литературе государств Прибалтики.

Первая группа работ – это, по сути, попытка оснастить научным аппаратом политическую и идеологическую программу ключевых элит. Эти работы преобладают количественно, но постепенно утрачивают свою убедительность после 25 лет де-факто переизданий.

Работы, входящие во вторую группу, отличаясь методологическими подходами, источниковедческой базой, авторской позицией, рассматривают историю 1939–1940 гг. в контексте предшествующих и последующих событий. В этих работах используется термин «оккупация», но скорее в политическом контексте, а не правовом. Это обстоятельство, как будет указано далее, имеет принципиальное значение.

Кроме того, существует небольшое количество совместных работ, написанных историками Прибалтики и России. В этом контексте следует рассмотреть попытки создания совместных комиссий историков.

Рассмотрим исторические и политические оценки событий 1939–1940 гг., обязательные для работ первой группы. К этой группе источников следует отнести работы пропагандистского характера, являющиеся таковыми как по форме, так и по содержанию. Следует при этом отметить, что в ряде случаев они написаны профессионалами: историками, политологами и изданы (размещены) как официальные правительственные материалы⁴³.

Рассматриваемые материалы характеризуются предельной идеологизированностью, они ориентированы на обслуживание государственного заказа, внешнеполитической линии соответствующих правительств. При этом они могут иметь масштабный научный аппарат, соответствующее оформление источников и литературы. Вместе с тем научная логика изложения, как

⁴² Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków. Pod redakcją Sławomira Dębskiego i Michała Narinskiego. Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. Warszawa, 2009. 479 s.

⁴³ Лаар М. Красный террор: Репрессии советских оккупационных властей в Эстонии / Пер. с эстон. С. Карм. Таллинн: Grenader, 2005. 170 с.

правило, нарушена, а литература и источники если и присутствуют, то подобраны тенденциозно, отражают только одну точку зрения⁴⁴.

Важный момент, затрагивающий вопросы генезиса исторической политики государств Прибалтики, подчеркивает В. А. Смирнов: «Понятие “историческая политика” (Geschichtspolitik) получило распространение в Германии в 1980-х гг. в ходе “спора историков” о причинах нацизма. Историческая политика стала трактоваться не столько как политизация истории, сколько как сбережение памяти о прошлом, необходимое для политической консолидации нации»⁴⁵. Однако в Прибалтике, в отличие от Германии, концепция «исторической политики» рассматривается как часть реконструкции истории под текущие политические задачи.

Главная задача историков Прибалтики – доказательство уникальности ситуации и акта агрессии. Классический подход к анализу сложнейшей проблемы, вызывающей споры нескольких поколений историков, выглядит так: «Советско-германский договор о ненападении, который историки нередко именуют “пакт о нападении”, зажег зеленый свет для Второй мировой войны», и далее: «Договор от 23 августа, как пакт войны, раздела и уничтожения, не имеет себе аналога во всей истории Европы XIX и XX столетий»⁴⁶. Поражает «скромность» профессора из Латвии. Почему только Европа, почему только двести лет? О мюнхенском сговоре профессор истории, естественно, не слышал. Интерес представляет, впрочем, не только само содержание материала, но и то, что автор – доктор исторических наук, профессор, руководитель президентской комиссии историков Латвии. Важно отметить и то, что материал размещен на сайте министерства иностранных дел Латвийской республики. По мнению профессора, «согласно Лондонской конвенции, подписанной 3 июля 1933 г. СССР, Латвией, Литвой, Эстонией и другими государствами, агрессором считается государство, которое первое объявило войну другому государству, ввело свои вооруженные силы на территорию другого государства с [объявлением] или без объявления войны. На основании этой формулировки действия СССР в июне 1940 года квалифицируются как агрессия»⁴⁷.

⁴⁴ Дюков А. Р., Симиндей В. В. Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению. М.: Фонд «Историческая память», 2011. 210 с.

⁴⁵ Смирнов В.А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион, 2015. № 2 (24). С. 79.

⁴⁶ Фелдманис И. Оккупация Латвии – исторические и международно-правовые аспекты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/information/history/history-juridical-aspects/?print=on> (дата обращения: 10.07.2014).

⁴⁷ Фелдманис И. Оккупация Латвии – исторические и международно-правовые аспекты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/information/history/history-juridical-aspects/?print=on> (дата обращения: 10.07.2014).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.